

САТИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ В. Л. ДАВЫДОВА

Публикация А. Л. Дымшица

Василий Львович Давыдов был одним из выдающихся декабристов, ближайшим помощником и единомышленником Пестеля. Свои передовые республиканские воззрения, свою непримиримую ненависть к самодержавию Давыдов сохранил и в годы сибирской каторги. О большой идейности, мужестве и нравственной силе Давыдова свидетельствуют многие дошедшие до нас исторические и литературные материалы, в том числе и сочиненные им в Сибири эпиграммы и басни.

Давыдов родился в 1792 г. в Москве. Он происходил из просвещенной дворянской семьи, которая дала отечеству ряд видных общественных и государственных деятелей, прославленных своими патриотическими заслугами перед русской армией времен борьбы с Наполеоном, перед русским освободительным движением и русской литературой. Давыдов был единокровным братом героя Отечественной войны генерала Н. Н. Раевского, отца друзей Пушкина — Александра и Николая Раевских. Он состоял в родстве с героем Отечественной войны и известным писателем Денисом Давыдовым, с декабристами М. Ф. Орловым и С. Г. Волконским, которые были женаты на племянницах Давыдова.

Шестнадцатилетним юношей Давыдов принял участие в боях против армии Наполеона и с честью прошел через ряд сражений Отечественной войны и последних кампаний 1813—1814 гг. Он был дважды ранен, состоял адъютантом знаменитого полководца — Багратиона. В 1816 г. Давыдов получил звание подполковника, в 1820 г. вышел в отставку полковником.

Живя на юге России, в имении своей матери — Каменке, часто бывая в Кисеве, наезжая в Петербург, Давыдов был тесно связан с самыми передовыми кругами русского общества.

Враг самодержавия и сословных предрассудков, противник крепостничества и республиканец по убеждениям, Давыдов вступил в Союз Благочестия и вскоре выдвинулся в ряды руководителей Южного общества. В Тайное общество он был принят К. А. Охотниковым, ближайшим сподвижником Орлова и В. Ф. Раевского в их агитационной деятельности среди солдат. Здесь Давыдов близко сошелся с Пестелем и Юшневским и проявил себя как один из активных деятелей декабристского движения, поддерживавший связи между Пестелем и Никитой Муравьевым, вербовавший новых членов в Тайное общество и руководивший так называемой Каменской управой Южного общества. Давыдов принял в Общество В. Н. Лихарева и ряд других лиц¹, он был связан с революционно настроенным французским эмигрантом, полковником русской армии графом Полиньяком, который впоследствии, как показал после ареста Пестель, «отправился во Францию по собственным своим делам и получил при сем случае поручение от Общества узнать, существует ли во Франции какое-либо тайное общество, и потом нас о том уведомить»². В 1820 г. В. Л. Давыдов пытался (но неудачно) завербовать в Тайное общество Дениса Давыдова. В 1821 г. в Каменке он общался с Пушкиным и сблизился с ним, о чем свидетельствует известное пушкинское послание <В. Л. Давыдову> «Меж тем, как генерал Орлов...».

После закрытия Союза Благоденствия Давыдов стал одним из руководителей Южного общества. Еще в 1822 г. в Киеве, у Давыдова, происходили собрания, на которых обсуждались вопросы об учреждении в России республики и о необходимости парубийства. Давыдов был в числе тех «заговорщиков», которые положительно и бескомпромиссно отвечали на эти вопросы. В начале 1823 г. на собрании деятелей Южного общества, которое происходило в Каменке, у Давыдова, Пестель читал отрывки из «Русской правды». Здесь снова заговорили о парубийстве, и Давыдов выступил как политический единомышленник Пестеля. Год спустя Давыдов участвовал в разработке плана покушения на царя во время намечавшегося смотра войскам одного из пехотных корпусов в районе Белой Церкви. Этому плану не суждено было сбыться, но самый замысел чрезвычайно характерен для революционной решимости руководства декабристов-южан³.

Когда в 1823 г. Южное общество разделилось на три управы — Тульчинскую, Каменскую и Васильковскую, — Давыдов (вместе с С. Г. Волконским) возглавил Каменскую управу⁴. Вскоре из-за неосторожности и легковерия В. Н. Лихарева — родственника и соратника Давыдова — в Каменскую управу проник шпион, действовавший по заданию графа И. О. Витта, начальника южных военных поселений. Этим шпионом и провокатором, следившим за деятельностью Давыдова и его товарищей и составившим после их ареста официальную записку в адрес властей, был А. К. Бошняк. В пространном документе, сочиненном Бошняком, Давыдов охарактеризован как активнейший деятель декабристского подполья, как убежденный враг аристократии и республиканец⁵ (в своих выводах Бошняк не ошибался: Давыдов действительно был ближайшим единомышленником и помощником Пестеля и С. И. Муравьева-Апостола. Из Киева он ездил в Петербург как доверенное лицо от Южного общества, возил письмо Пестеля к Никите Муравьеву). Другой доносчик, капитан Майборода (в показаниях от 22 декабря 1825 г.), также охарактеризовал Давыдова как ближайшего помощника Пестеля и одного из наиболее влиятельных членов Южного общества⁶.

После разгрома декабрьского восстания, в январе 1826 г., Давыдов был арестован, доставлен в Петербург и заключен в крепость. Его приговорили к «смертной казни отсечением головы». Смертная казнь была затем заменена каторгой. В Сибирь его отправили в кандалах, и каторжные работы он отбывал в Перчинске, Чите и Петровском заводе. В сентябре 1827 г. Давыдов был переведен в Читы, куда к нему приехала жена. Из Читы он продолжал поддерживать связи с И. И. Пушным, Е. П. Оболенским, И. Д. Якушкиным, А. З. Муравьевым, И. В. Поджио и другими ссыльными декабристами. Только в 1839 г. Давыдов был переведен на поселение в Красноярск, где пробыл шестнадцать лет, так и не дождавшись амнистии. Тяжелые каторжные работы, частые болезни, издевательства местного начальства, суровые условия ссылки — все это долго не могло сломить боевого духа Давыдова. Лишь под конец своей жизни он стал поддаваться пессимистическим настроениям, вызывавшим справедливые нарекания со стороны его друзей. Умер он в Красноярске 25 октября 1855 г.

Оставшиеся после смерти Давыдова литературные документы немногочисленны. Письма его, известные нам по публикациям С. Я. Штрайха, Н. К. Пиксанова и Л. Р. Лавского⁷, относятся к годам заключения в крепости, сибирской каторги и ссылки и обращены к ссыльным товарищам или к родственникам. В силу условий, в которых находился Давыдов, его письма не могли содержать политических рассуждений или деклараций и были посвящены главным образом бытовым темам. Однако и в этих письмах нравственный облик Давыдова и отдельные черты его социальных воззрений выступают в достаточно четком и весьма привлекательном виде. Особенно интересно в этом отношении письмо Давыдова к брату — П. Л. Давыдову, в котором он просит прислать книги, нужные ему для воспитания детей: «Умоляю тебя, милый брат, прислать мне все эти книги. Ты понимаешь, как я нуждаюсь в них, будучи навеки отрезан от цивилизованного мира и вынужденный быть единственным учителем моих детей»⁸. Очень показателен при этом выбор книг, сделанный Давыдовым для осуществления его педагогической задачи. Своих детей он намеревался учить точным наукам и географии, естествознанию и языкам, но особое внимание он уделял изучению социальных наук — отечественной истории, политической экономии, философии. Характер

Василий Львович Давыдов, на слова, что тай-
ные общества наши были модною и подра-
жанием немецкому Тугенд-бунду — отвеща-
вал: „Извините, господа! Не к немецко-
му к Тугенд-бунду, а просто к бунту я принадлежал —

В. Л. ДАВЫДОВ НА ДОПРОСЕ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

Рисунок А. А. Ивановского, 1826 г.

Внизу надпись: «Василий Львович Давыдов на слова, что тайные общества наши были модною и подражанием немецкому Тугенд-бунду — отвечал: „Извините, господа! Не к немецкому к Тугенд-бунду, а просто к бунту я принадлежал“»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

этих занятий становится вполне очевидным, если учесть повышенный интерес Давыдова к книгам о русском народе и его истории, к трудам французских просветителей, к истории древнего мира. Примечательно, что Давыдов просит брата прислать ему «всю коллекцию мемуаров по истории и истории революции французской и английской».

Чрезвычайно интересны лишь недавно опубликованные высказывания Давыдова о «Ревизоре» и «Мертвых душах» Гоголя, восторженным почитателем которого был ссыльный декабрист. «...Я завидую вашему знакомству с г. Гоголем, мои дорогие дети, — писал он дочерям 8 февраля 1841 г., — мне известна его комедия „Ревизор“ и некоторые другие его сочинения, и я составил себе самое высокое мнение о его таланте. Это писатель, созданный для того, чтобы быть достойным представителем нашей литературы, так же, как он мог бы представлять и всякую иную <...> Вы не можете судить об удивительной правдивости кисти Гоголя, о *vis comica*, о глубине этого поэта, и, однако, вы имели удовольствие слышать его „Ревизора“. Я прочел его раз десять и перечту еще снова: по моему мнению, это — шедевр». Сообщая впоследствии свои впечатления от «Мертвых душ», которые он перечитал несколько раз, Давыдов восклицает: «Без спора, г. Гоголь — наш лучший современный писатель, и он далеко опередил всех остальных»⁹. Таким образом, сатирический талант и глубокий реализм великого писателя нашли в Давыдове одного из самых восторженных ценителей.

Показательными для характеристики политических взглядов Давыдова являются его стихотворения, написанные в жанрах сатирических и юмористических. Давыдов не был поэтом-профессионалом, и стихи его возникали как отлики-импровизации на злободневные темы. Именно так воспринимались они и его товарищами по ссылке. Михаил Бестужев, рассказывая на склоне своих лет редактору «Русской старины» М. И. Семевскому о жизни декабристов в Сибири, упоминал о «стихотворчестве» Давыдова. С его слов М. И. Семевский записал, что «Давыдов басни шуточные писал», и занес на бумагу несколько стихотворений Давыдова¹⁰.

Впервые о стихотворных импровизациях Давыдова стало известно из публикации М. К. Азадковского, извлечшего из архива М. И. Семевского три стихотворения, сообщенные М. А. Бестужевым по памяти¹¹. Уже из этих записей стихов Давыдова стало очевидно, что «шутливые» стихи его были весьма острого политического содержания, что Давыдов после разгрома декабризма сохранил ненависть к самодержавию и выражал ее в форме сатирических стихотворений.

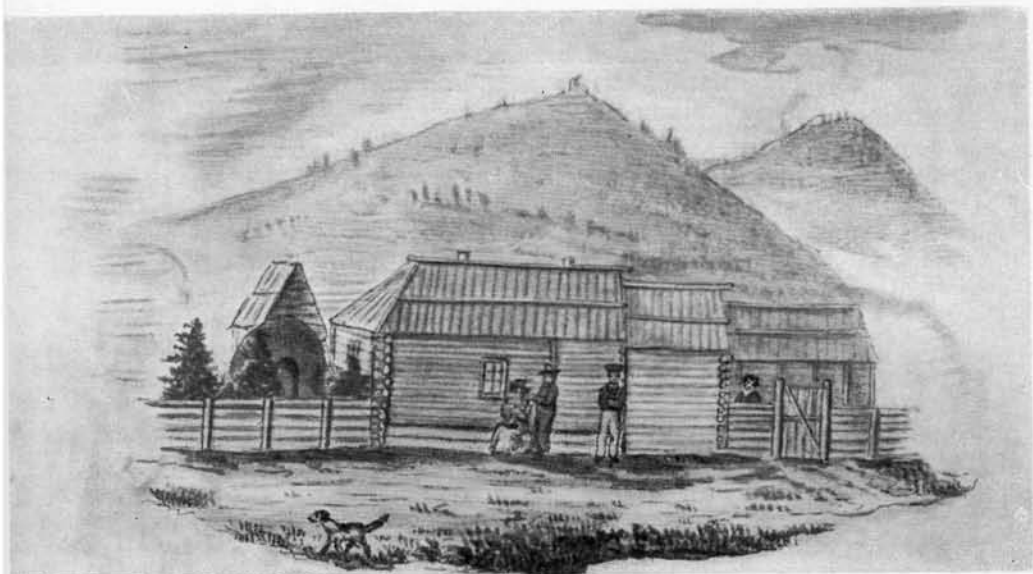
По записям М. И. Семевского были опубликованы стихотворения «Однажды жил коллежский регистратор...», «Однажды серенький паук...» и «Николосор» (М. А. Бестужев ошибся, стихотворение называется «Николосарос»). Басни Бестужев вспомнил очень приблизительно и сообщил их текст неточно. Вследствие этого они публикуются вновь по материалам Центрального государственного исторического архива¹², позволяющим устранить стилистические небрежности и логические ошибки, имеющиеся в записях Семевского. Третье стихотворение — «Николосарос» (содержание которого в достаточной мере определено его заголовком, то есть Николай самодержец российский) здесь не перепечатывается, так как достаточно известно и в 1950—51 гг. дважды помещалось в сборниках литературных произведений декабристов¹³. Следует лишь заметить, что стихотворение «Николосарос» является незаконченным произведением, отрывком из сатирической поэмы («„Николосор“ — в 20 или 30 строф. Прекрасная едкая шутка», — записал Семевский со слов М. А. Бестужева)¹⁴, которой Давыдов заклеил Николая I. В полном объеме поэма не сохранилась.

Публикуемые ниже стихи Давыдова показывают его как сатирика. Только одно из этих произведений — послание к И. И. Пущину — является стихотворной шуткой, заменой юмористического письма. В них Давыдов выступает с полными едкой иронии намеками на общественное неравенство («Однажды в сумрачную пору...»), против верного слуги царя и злейшего мракобеса, министра просвещения графа С. С. Уварова («Однажды старенький паук...»).

К сожалению, из большого количества рукописных стихотворений Давыдова сохранилось лишь несколько сатирических экспромтов и импровизаций, возникших в сибирской ссылке, в общении с его товарищами-декабристами. Но и те стихотворения Давыдова, с которыми мы знакомимся, обогащают наши представления об их авторе.

I

Однажды в сумрачную пору,
 Когда зверь нору
 оставляет,
 Вдруг подлетает
 К кому-то муха
 И говорит: «Старуха,
 К чему ты в свет родилась?»
 Она перекрестилась,
 Не повернувши уха.

В. Л. и А. И. ДАВЫДОВЫ В ЧИТЕ

Акварель А. И. Якубовича в письме А. И. Давыдовой к детям, 1829—1830 гг.

Исторический музей, Москва

«О, умная старуха»,
 — сказала муха, —
 И полетела,
 Куда хотела.
 На свете вечно так —
 Есть грош и есть пятак.

II

Когда-то жил коллежский регистратор
 Превосходительный он был —
 Не потому, что много пил,
 А так... что римский император
 К нему на задний двор ходил.

III

Однажды старенький наук
 Бежал ужасно торопливо
 Из Академии наук.
 Другой, который горделиво

С высот
Своих тенет

На мир с презрением глядел,
Вскричал: «Смотри, какой пострел,
Он всюду и везде поспел,
А ведь не знает назначенья,
Что велено его поймать
Для министерства просвещенья».
Тут ясно все... и нужно-ль добавлять?

IV

И. И. ПУЩИНУ

Почто, прельстив нас до безумья,
Далеко ты от нас сидишь?
И полон сладкого раздумья
На небо синее глядишь.
Или ты дружбе изменяешь,
Или не знаешь, как любим,
И время попусту теряешь,
Как Жукова прескверный дым.
Но, может быть, с пером во длани
Ты к Трубецкому пишешь Ване,
Волконских грамотой живишь
Иль просто на судне сидишь..
Оставь поносные мечтанья,
С тобою жаждем мы свиданья,
Приди, в чертог наш не златой
О, Пущин, милый, дорогой!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дело В. Л. Давыдова.—ЦГИА, ф. № 48, д. 400, лл. 4, 6 об., 8, 15, 35 об., 36 об. См. также: ВД, т. I, стр. 325; т. IV, стр. 175, 178; т. X, стр. 183—249; С. Я. Гессен. Пушкин в Каменке.—«Лит. современник», 1935, № 1, стр. 193—194.

² ВД, т. IV, стр. 117.

³ Там же, стр. 142—143, 148—149. — Еще задолго до опубликования следственных дел Пестеля и Волконского, в 1870-х годах, сведения о «царевубийственном замысле» Пестеля, Муравьева-Апостола, Давыдова и других проникли в печать (см. <М. И. Богданович> История царствования императора Александра I и России в его время, т. VI. СПб., 1871, стр. 457, 468—469).

⁴ Н. К. Пиксанов. Из архива декабриста Василия Львовича Давыдова. Неизданные письма.—«Историк-марксист», 1926, № 1, стр. 176—177.

⁵ Б. Е. Сыроечковский. Записка Бошняка. — «Красный архив», 1925, № 2, стр. 195—225.

⁶ ВД, т. IV, стр. 10, 14—15.

⁷ С. Я. Штрайх. Декабристы на каторге и в ссылке.—«Декабристы на каторге», стр. 20—22; Н. К. Пиксанов. Указ. соч., стр. 177—183; «Гоголь в неизданной переписке современников (1833—1853)». Публикация и комментарии Л. Р. Ланского.—«Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 598, 604, 681—682.

⁸ Н. К. Пиксанов. Указ. соч., стр. 183.

⁹ «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 598, 682.—Подлинник на франц. яз.

¹⁰ Бестужевы, стр. 393—394.

¹¹ М. К. Азадовский. Эпиграммы декабриста В. Л. Давыдова.—«Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском гос. университете им. В. И. Ульянова-Ленина», 1929, т. XXXIV, вып. 3-4, стр. 186—188.

¹² ЦГИА, ф. № 279 (Якушкиных), ед. хр. 1006, лл. 1—3. Басни—списки того времени, послание И. И. Пущину—автограф Давыдова.

¹³ «Поэзия декабристов». Вступит. статья и примеч. Б. С. Мейлаха. Л., 1950; «Декабристы. Поэзия. Драматургия Преса. Публицистика. Литературная критика». Составил Вл. Орлов. М.—Л., 1951, стр. 198.

¹⁴ Бестужевы, стр. 394.